

ПАРТИЗАНСКАЯ, НАРОДНАЯ ИЛИ «МАЛАЯ» ВОЙНА В 1812 ГОДУ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОК И ОЦЕНКИ ИСТОРИКОВ

Особое место в истории Отечественной войны 1812 года занимает противоборство на коммуникационной линии, обеспечивавшей связь войск Наполеона с Европой, и вблизи нее, на пространстве, не занятом основными силами воюющих армий. В историографии ее называют партизанской, народной или «малой» войной, которая, несмотря на неизменное внимание исследователей, до сих пор остается малоизученной. Во многом это связано не с недостатком фактического материала, а с запутанностью терминологии. Историки часто «перетасовывают» понятия «партизанская», «народная», «малая», всегда по-разному их объясняя и комбинируя.

Все три термина в отношении борьбы, происходившей в тылу и на флангах войск противника, использовал еще Д.И. Ахшарумов. Касаясь времени, проведенного русской армией в Тарутинском лагере, автор утверждал: «Самое чувствительное для неприятеля поражение наносилось ему войною партизанов и жителей. Оба способа сии, с отступлением за Москву усовершенствовались в полной мере; и когда в Тарутине и под Москвою главные воюющие силы пребывали без действия, отделяемые для сбора продовольствия в окрестности и по всем другим надобностям, неприятельские отряды были уничтожаемы нашими партиями и народом. Малая война сия разлилась, так сказать, по всему кругу военных действий, и производясь в жестоком виде, доводила неприятеля до отчаяния»¹. Ахшарумов писал, что партизаны состояли в основном из казаков, к которым прибавлялись иногда легкая кавалерия, артиллерия и даже пехота. Отряды эти находились под командованием наиболее «известных по отличной храбрости офицеров». Партизанам определялось направление действий и ставилась цель: «всевозможно вредить неприятелю; более ничего определенного не предписывалось»². В свою очередь активно действовавшие против врага партизаны «склоняли крестьян мужественно защищать самих себя от грабежа неприятельского», что привело к вооружению последних³. Тем самым появление народного сопротивления автор считал прямым следствием деятельности партизан. Совместные действия жителей и партизан Ахшарумов обозначил термином «малая война».

Д.П. Бутурлин писал о событиях сентября–октября 1812 г.: «Если главная российская армия оставалась в бездействии, то неприятель не менее того беспокоимым был малою войною, с неутомимою деятельностью против него производимую многочисленными партизанскими отрядами, которые посланы были на разные дороги, к Москве ведущие, особенно со стороны Смоленска»⁴. «Поселяне литовские», уstraшенные неприятелем, писал автор, «попустили ему пользоваться способами страны своей»⁵. Иначе было за Смоленском, когда «ожесточенные россияне» уничтожали свое имущество и бежали в леса, а после потери Москвы они начали «собираться многочисленными толпами, и, вооружась вилами и пиками, нападать на неприятелей по одиночке, или в малом числе проходивших»⁶. Значит, Бутурлин ставил равенство между «малой» и партизанской войной, а народную войну представлял как спонтанные действия «ожесточенных россиян». При этом, говоря об успехах партизан и «поселян российских», он отмечал, что «малая война, с ожесточением производимая», способствовала увеличению потерь противника и привела к ограничению поступления продовольствия⁷. Особого значения рассматриваемым терминам Бутурлин не придавал, считая, что к успеху «малой войны» привели действия как партизан, так и гражданского населения.

* Бессонов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, директор Калужского областного краеведческого музея.

Большого внимания партизанской и народной войне уделял А.И. Михайловский-Данилевский. Указав на растянутость неприятельских коммуникаций в 1812 г., он писал, что, «желая воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами, князь Кутузов тотчас отрядил во все стороны партизанов, с повелением переноситься с одного места на другое, нападать внезапно и действовать, то совокупно, то порознь»⁸. Партизанские отряды редко превышали 500 человек и состояли из казаков, к которым присоединяли небольшое число регулярной кавалерии. Действовали они на коммуникации противника и на пространстве в 30–40 верст по сторонам дороги, наводненном неприятельскими мародерами: «Они захватывали фуражиров и бродяг, нападали на отдельные команды, транспорты, даже два раза на провозимые пушки, отнимали или истребляли запасы, перехватывали курьеров, ежедневно брали сотни пленных, а отбитое оружие, по повелению князя Кутузова, раздавали крестьянам»⁹. По оценке автора, партизаны не ознакомили себя «такими набегами, какими прославились потом русские начальники летучих отрядов в Заграничных походах 1813–1814 гг. В Отечественную войну не было партизанского подвига, могущего сравниться со взятием Берлина, Люнебурга, Касселя, Бремена, Амстердама, Суассона»¹⁰. Вместе с тем действия партизан оказывались полезны наносимым противнику ущербом и «особенно тем, что своим появлением в разных местах поддерживали они воспламенение в народе, единодушно восставшем против врагов»¹¹.

Народная война, по словам Михайловского-Данилевского, началась с Поречья, когда «Наполеон сделал первый шаг на старинную, коренную землю русскую». Жителей Поречья, севших на коней и начавших истреблять неприятеля, он назвал «первыми народными партизанами в Отечественную войну». Описывая боевые действия в Смоленской губ., он отметил, что центрами народных восстаний стали незанятые неприятелем города (Рославль, Юхнов, Сычевка и Белый), жители которых «явно и скрытно нападали на неприятелей, убивали мародеров и фуражиров, отставляли города и селения»¹². Таким образом Михайловский-Данилевский, с одной стороны, разделял понятия «партизанская» и «народная» войны, с другой – называл вооруженных поселян народными партизанами, поскольку они выполняли те же функции. Термин «малая война» автор вообще не использовал.

М.И. Богданович считал, что время, когда русская армия находилась в Тарутино, было «употреблено с большою пользою» на партизанские действия. Легкие отряды, «ускользая от встречи с превосходными силами неприятеля, нападали врасплох на небольшие части его войск, истребляли подвозы, перехватывали курьеров его и не упускали ни малейшего случая вредить ему». Партизаны везде находили поддержку у жителей, всячески помогавших им в борьбе с врагом. При этом Богданович отмечал, что М.И. Кутузов, «желая сообщить войне с французами характер народной борьбы, нередко беседовал с поселянами, утешал их и надеждою скорого торжества над врагами и дарил оружие тем из них, которые изъявляли готовность истреблять неприятеля». Однако в целом народную войну Богданович представлял как самостоятельное движение жителей, вставших на защиту Отечества: «Едва лишь французы успели вторгнуться в Смоленскую губернию, как наши крестьяне стали перехватывать фуражиров, шпионов и мародеров, бродивших во множестве в тылу Наполеоновой Большой армии». По словам историка, неприятель не был готов к «малой войне», тогда как Кутузов, убедившись в пользе партизанских действий, «поручил нескольким отважным офицерам небольшие отряды, составленные из легких войск и долженствовавшие действовать на всех путях, ведущих к Москве»¹³. Под «малой войной» Богданович понимал широкомасштабные действия партизанских отрядов, а народную войну считал самостоятельным явлением, органически связанным с партизанской.

Итак, первые исследователи войны 1812 г. свободно использовали термины «партизанская», «народная» и «малая» войны. Последняя, по мнению большинства авторов, означала партизанское движение и, реже, сочетание партизанской и народной войн. При этом участников народной войны также называли партизанами.

В 1865 г. в Одессе был издан курс «Лекций малой войны» Н.Д. Новицкого, в которых рассматривались следующие функции этого вида боевых действий: «1) действия охранительные, 2) действия для собрания сведений о неприятеле, и наконец, 3) действия, имеющие целью уничтожения разного рода военных и жизненных средств, необходимых неприятелю для ведения войны, тревожение армии его частными нападениями, успехи которых основаны преимущественно на внезапности и быстроте»¹⁴. Новицкий фактически включил активные действия партизанских отрядов в более широкое понятие «малая война», но этот подход не получил дальнейшего развития и термин «партизанская война» сохранил за собой главенствующее положение. Под партизанами при этом, как правило, понимались все действовавшие отдельно от главных сил армейские отряды, наносившие противнику, как писал Ф.К. Гершельман, «материальные потери» и оказывавшие на него «нравственное впечатление»¹⁵. В то же время В.Н. Клембовский рассматривал «малую войну» (действия отдельных отрядов с четко поставленной задачей – охрана, засада, фуражировка и др.) как часть партизанской, решавшей стратегические задачи. Народная же война сводилась им к пассивной обороне конкретного места¹⁶.

В начале XX в. происходит изменение представлений о месте партизанского движения в войне 1812 г. и степени участия народных масс в борьбе с неприятелем. Д. Мясоедов, Н.П. Поликарпов, А.Г. Левшин считали, что народная война по своей сути являлась партизанской, и активно использовали термины «народные» и «военные» партизаны¹⁷. Грань между армейскими отрядами (как писал Левшин, «присяжными» партизанами) и состоявшими из мирных жителей («добровольными») начала постепенно стираться. Наполнились новым содержанием и без того недостаточно четкие понятия «народная» и «партизанская» война. «Из всех различных проявлений народной войны наиболее могучим и осязательным представляются партизаны, – полагал В.М. Вороновский. – Термин этот не имеет вполне точного и единообразного содержания в нашей военной литературе и потому не встречается препятствий понимать его в широком смысле, разумея под ним людей, ведущих всякую вооруженную борьбу с неприятелем, как в определенной связи с армией, так и вне такой связи»¹⁸.

В обобщающей работе «Отечественная война и русское общество» партизанской и народной войне посвящались отдельные статьи. В одной из них С.А. Князьков называл партизанами созданные Кутузовым «большие и малые отряды», которым поручалось, «забравшись в тыл и фланги неприятеля, причинять ему сколько можно вреда и неустанно следить за передвижениями французских войск, донося обо всем неукоснительно в Главную квартиру»¹⁹. При этом автор полагал, что «самым важным результатом деятельности партизанов был тот толчок, который они дали развитию народной войны»: «Бежавшие в местностях, занятых неприятелем, крестьяне, вооружаясь топорами, вилами, дубьем, у кого были и ружьями, предпринимали настоящие охоты за отсталыми французами, осмеливались даже нападать на отдельные мелкие отряды фуражиров, неосторожно забиравшихся далеко от своих главных сил. Эта народная партизанская война разрасталась сама по себе все сильнее и шире по мере дальнейшего вторжения французов в глубь страны, а по занятии ими Москвы приняла очень серьезный характер»²⁰. Схожим образом рассуждал в статье «Народная война» и В.П. Алексеев: «Участие крестьян и отчасти других представителей низших классов населения в военных действиях 1812 г. мы собственно и называем народной войной». Однако, по его же словам, в воззвании, с которым обратился к местным жителям после вступления русских войск в Смоленскую губ. главнокомандующий 1-й Западной армией генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли, «указывалось даже, как действовать против неприятеля, какими способами мирному населению вести эту впервые тогда начавшуюся партизанскую войну»²¹.

Так в начале XX в. сформировался взгляд на партизанскую войну как на обобщающее понятие, включавшее действия армейских отрядов и мирных жителей против неприятельских войск. При этом понятие «народная война» получило двойственное толкование. В широком смысле под ним понимались разные формы противодействия

противнику со стороны народа, а в узком – участие гражданского населения в партизанской войне. При таком подходе, когда народная и партизанская войны стали обозначать схожие явления, понятие «малая война» практически вышло из употребления. Подобная тенденция во многом сохранилась и в советской историографии.

Вместе с тем существовали и иные взгляды на рассматриваемую проблему. К примеру, А.К. Дживелегов в 1915 г. писал, что крестьяне, выступая с оружием против неприятеля, «имели в виду исключительно самооборону». Поэтому вклад народной войны в победу был ничтожным, «не более, как обман зрения». «Наполеон, – отмечал Дживелегов, – был побежден не “народной войной”, а русской армией»²².

На становление советской историографии войны 1812 г. заметно повлияли взгляды Е.В. Тарле, указавшего, что французам пришлось сражаться с «русским народом, о котором Наполеон позабыл»: «Рука-то народа и нанесла величайшему полководцу всемирной истории непоправимый, смертельный удар». Рассмотрев участие разных сословий в борьбе с Наполеоном, историк пришел к выводу, что «именно русский крестьянин уничтожил великолепную, первую в мире кавалерию Мюрата, перед победоносным натиском которой бежали все европейские армии; и уничтожил ее русский крестьянин, заморив голодом ее лошадей, сжигая сено и овес, за которым приезжали фуражиры Наполеона, а иногда сжигая и самих фуражиров»²³. Благодаря русским крестьянам была создана благоприятная обстановка, в которой «могли развиваться действия Давыдова и других партизан». В результате в 1812 г. непрерывавшаяся классовая борьба крепостных со своими помещиками уступила место противоборству с «беспощадно грабящим» неприятелем. При этом «чувство родины разгорелось в народе в особенности после гибели Смоленска». Расширяя понятие народной войны, Тарле указывал, что она «велась больше всего русскими крестьянами уже в армейских и ополченческих мундирах», а «одним из проявлений народной войны было партизанское движение»²⁴, начавшееся по инициативе подполковника Д.В. Давыдова, и сыгравшее свою роль «во вторую половину войны». С середины сентября и до конца ноября, считал автор, партизаны «принесли очень большую и несомненную пользу». Среди командиров армейских партизанских отрядов он назвал «солдата драгунского полка» Ермолая Четвертакова, создавшего в Гжатском уезде Смоленской губ. крестьянский партизанский отряд. Кроме того, в контексте партизанской войны историк упомянул русских крестьян, помогавших партизанам и «ожесточенно боровшихся с врагом». Подводя итог, Тарле писал: «Партизанская война, крестьянская активная борьба, казачьи налеты – все это при усиливающемся недоодеании, при ежедневном падеже лошадей заставляло французов бросать по дороге пушки, бросать часть клади с возов, а главное – бросать больных и раненых товарищей на лютую смерть, ожидавшую их, если только им не посчастливилось бы попасть в руки регулярной армии»²⁵. По-видимому, для историка не существовало четкого понятия «партизанская война»: он то включал в нее крестьянские отряды, то противопоставлял их партизанам. Не говоря ни слова о «малой войне», он сделал партизанскую войну частью народной, которую вели русские крестьяне, служившие в армии, взятые в ополчение и оставшиеся в своих домах. «Русское крестьянство, – отмечал Тарле, – сражалось ли оно в двенадцатом году в мундирах или в зипуне, стяжало себе бессмертную славу»²⁶. При этом, по его мнению, «представители национальных меньшинств и отдельных групп не уступали коренному русскому населению в желании защищать общее отечество»²⁷. Таким образом, Тарле фактически отождествлял понятия войны «народной» и «отечественной».

В дальнейшем советские историки, по сути, отказались от понятия «малая война», которая рассматривалась теперь чаще всего как деятельность партизан²⁸. В то же время выражение «партизанская война» получило расширенное толкование. Так, А.Н. Кочетков пояснял, что оно «употребляется обычно в двух смыслах: 1) как более или менее длительная во времени и распространенная по территории вооруженная борьба гражданского населения против иностранных захватчиков или против внутренней правительственной реакции, то есть вообще против враждебных народу сил, и 2) как боевая деятельность отдельных отрядов различной численности, отделяемых от армии для

действия в тылу или на флангах противника, главным образом на его коммуникациях. Именно такие отряды получили в военной истории название партизанских, а их действия – название партизанской войны, которая рассматривалась как одна из форм так называемой – “малой войны”²⁹. При таком подходе историк обнаружил партизанские отряды и в период «польско-шведской интервенции» в начале XVII в., и в Северной войне 1700–1721 гг., и даже написал, что А.В. Суворов в начале своей боевой деятельности «заслужил славу отважного партизана»³⁰. По мнению Кочеткова, партизанская война в 1812 г. «дает пример сочетания вооруженной борьбы населения и действий армейских партизанских отрядов, выполнявших задачи главного командования в полном взаимодействии с основными силами армии»³¹. При этом использовавшийся Кутузовым термин «малая война» историк относил исключительно к деятельности армейских партизанских отрядов³². «Говоря о партизанах 1812 г., – писал Кочетков, – нужно всегда помнить, что этим названием именуют два совершенно различных типа вооруженных групп: 1) вооруженные отряды и группы населения различной силы и степени организованности, 2) армейские летучие отряды различной численности, действовавшие в отрыве от главных сил в тылу или на флангах противника и главным образом на коммуникациях»³³. При этом автор считал, что «партизанскими отрядами в более или менее точном смысле слова были лишь немногие из вооруженных групп населения, но именно они являлись наиболее активными», и было бы «неправильно ограничивать рамки народной войны только этими постоянными подвижными организованными отрядами партизан». По его мнению, «народная война проявилась и во временных местных ополчениях, созданных для защиты своих городов и сел в ряде уездов Смоленской и Калужской губерний; она проявилась и в содействии армейским партизанским отрядам, выражавшемся иногда в форме прямого участия в боевых действиях, и в организации сельской самоохрany различных видов»³⁴. Несмотря на формальное противопоставление партизанской и народной войны, Кочетков, характеризуя различные виды сопротивления противнику гражданского населения, отнес их к «народной партизанской борьбе» («народной партизанской войне»)³⁵.

Такой подход, основанный на включении в понятие «партизанская война» борьбы с противником армейских (военно-партизанских) и крестьянских (народных) отрядов, активно использовали в своих работах Л.Г. Бескровный, Л.Н. Бычков, П.А. Жилин, И.И. Ростунов, Д.Е. Червяков³⁶. Постепенно народная война стала восприниматься как часть партизанской, а последняя фактически «поглотила» понятие «малой войны». Лишь Червяков и Бескровный использовали его для обозначения совместной борьбы партизан и ополченцев³⁷. Н.А. Троицкий, напротив, рассматривал деятельность партизанских отрядов, в том числе и армейских, как часть народной войны, вышедшей за рамки боевых действий. Кроме того, историк отнес к ней и действия местных отрядов самообороны, выделив их из партизанской войны. «Важным, но поныне малоисследованным компонентом народной войны 1812 г., – писал он, – были разнообразные формы самозащиты населения оккупированных и прифронтовых губерний – кордоны, дружины, “охранные войска” в несколько десятков или сот человек, которые ограждали свои села, волости и уезды от мелких отрядов врага»³⁸.

В результате, несмотря на особое внимание советских историков к проблеме партизанской войны 1812 г., она так и осталась в значительной мере неизученной. Этот парадокс отметили Б.С. Абалихин и В.А. Дунаевский: «Опубликованные работы не дают еще полного представления о географии, размахе, масштабах, формах, этапах и историческом значении партизанской войны в тылу наполеоновской армии. Слабо, а порой упрощенно показаны причины возникновения партизанского движения. Недостаточно освещено руководство М.И. Кутузова и его штаба партизанским крестьянским движением... Есть немало и других малоизученных аспектов этой героической темы. А главное – наша историография до сих пор не располагает обобщающим трудом по истории партизанского движения 1812 г. Узка источниковедческая база исследований. Одни и те же факты и имена героев “кочуют” из одной работы в другую»³⁹.

Современный исследователь войны 1812 г. А.И. Попов пришел к выводу, что «отождествление понятий “народная” и “партизанская” война или включение второго в состав первого является ошибочным», поскольку «партизанская война – это активное воздействие армейских партий и летучих отрядов на коммуникации и тыл неприятеля», тогда как «народная война – это участие в боевых действиях временных военных формирований из числа гражданского населения». Со своей стороны, Попов предпочитает использовать понятие «малая война», которая рассматривается им как сочетание партизанской и народной: «При таком подходе станет возможным положить предел безосновательному отождествлению двух первых понятий, которое противоречит историческим реалиям»⁴⁰. Таким образом Попов, как и почти два века назад Ахшарумов, обозначил термином «малая война» борьбу с противником партизанских отрядов и гражданского населения.

* * *

Современники и участники войны 1812 г. видели в деятельности партизан особую форму ведения боевых действий. «Уклонение от генеральных сражений; партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускания до фуражировки и решительность в продолжение войны: суть меры, для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их нестерпимые», – говорилось 2 апреля 1812 г. в аналитической записке, составленной одним из руководителей русской разведки – подполковником квартирмейстерской части П.А. Чуйкевичем⁴¹. В ней же указывалось на необходимость «иметь несколько отделенных летучих отрядов из легких войск по одной или две тысячи человек, которые должны поручены быть в команду отважнейшим офицерам из регулярных войск»: «Дело их есть прорывать безпрестанно неприятельскую операционную линию и действовать на флангах и в тылу неприятеля истреблением того, что будет им по силе и возможности». «Исключая строжайшего запрещения не разорять жителей не можно сим отрядам предписывать ни диспозиции, ни того, что им должно делать, – полагал Чуйкевич. – Все действия их зависят от обстоятельств, положения неприятеля и расторопности командующих»⁴². Схожую инструкцию дал Д.В. Давыдову, отправлявшемуся с отрядом на коммуникацию противника, главнокомандующий 2-й Западной армией генерал от инфантерии кн. П.И. Багратион: «Предписываю Вам употребить все меры беспокоить неприятеля со стороны нашего левого фланга и стараться забирать их фуражиров не с фланга его, а в середину и в зад, расстраивать их обозы, парки, ломать переправы и отнимать все способы». «О движениях же Ваших, – особо отмечал князь, – никому не должно ведать и старайтесь иметь в самой непроницаемой тайности»⁴³.

О необходимости партизанских действий на коммуникациях противника неоднократно писал в своих распоряжениях и Кутузов. 8 сентября он направил к Можайской дороге отряд под командованием генерал-майора И.С. Дорохова, поручив ему «наиболее истреблять парки неприятельские» и не упускать «из виду того, что послужить может ко вреду неприятельскому»⁴⁴. Гвардии капитану А.Н. Сеславину, посланному 30 сентября с отрядом от Боровска к Москве, предписывалось «действовать более на фланг и тыл неприятельской армии». В тот же день главнокомандующий писал майору С.И. Лесовскому, отправка которого с отрядом была вскоре отменена: «Предмет Вашей командировки есть действовать партизаном и наносить всякий вред неприятелю, стараясь сколь можно более сближаться, по обстоятельствам к Старой Калужской дороге, где главные силы неприятельские находятся»⁴⁵.

Организаторы партизанской войны представляли ее как действия «летучих», т.е. быстро передвигавшихся отрядов, составленных из иррегулярной и регулярной кавалерии (преимущественно легкой) и оказывавших максимально возможное разрушительное воздействие на коммуникации противника. При этом речь шла даже не о борьбе с живой силой неприятеля, а об уничтожении средств, обеспечивавших боеспособность и жизнедеятельность его войск. Однако не все специально сформированные для пар-

тизанской войны «партии» успешно решали поставленную перед ними задачу. Так, 15 сентября в Красной Пахре Кутузов отдал распоряжение о создании партизанского отряда под командованием полковника кн. И.М. Вадбольского (Мариупольский гусарский полк и 500 казаков). Ему следовало отправиться на Новую Калужскую дорогу, «откуда делать нападения на Можайскую и, если можно, и на Рузскую дорогу, стараясь причинить всякого рода вред неприятелю, наиболее иметь в виду сожжение парков артиллерийских, которые к нему от Можайска идут». «Не нужно упоминать Вам, – писал при этом главнокомандующий, – сколь деятелен и решителен должен быть партизан, и для того, имея в виду отважное предприятие, имеете вы действовать по собственному благорассмотрению»⁴⁶.

18 сентября Вадбольский уже рапортовал в Главную квартиру о своем прибытии в «назначенное ему селение Ожегово» на Новой Калужской дороге. Оттуда он послал партию по Боровской дороге, а сам направился к Можайской и Рузской дорогам⁴⁷. В тот же день ему было приказано: «По данному Вам предписанию делать ваши наблюдения и поиски над неприятелем, оставив на Боровской или Ново-Калугской дороге временный извещательный пост, посредством коего Вы могли иметь сношение с армиею»⁴⁸. 20 сентября Кутузов информировал прикрывавшего северное направление командира «малого корпуса» генерал-адъютанта барона Ф.Ф. Винцингероде о том, что отряд Вадбольского направлен им «к стороне Кубинского, чтобы нападать на неприятельские обозы и отгонять подальше его партии, овладев дорогой на Рузу»⁴⁹. Ожидалось, что он перекроет все сообщения противника и установит связь с Винцингероде, однако этого не произошло. Отряд Вадбольского застрял на Новой Калужской дороге «близ селения Разсудова», где поймал 15 мародеров. 20 сентября Вадбольский сообщил дежурному генералу штаба объединенных Западных армий генерал-лейтенанту П.П. Коновницину о прибытии «сего числа» к деревне Бархатово, располагавшейся между Можайской и Новой Калужской дорогами. Затем им были отправлены партии в деревню Обухово (западнее, вблизи дороги из Вереи в Кубинское) для уничтожения находившихся там 50 мародеров и на Можайскую дорогу – «для разведывания о неприятеле и по возможности истребления»⁵⁰. Три из четырех направленных им партий столкнулись с неприятельскими мародерами в населенных пунктах, лежавших к югу от Можайской дороги, и только четвертая, которой командовал сотник донского казачьего полка войскового старшины И.В. Грекова 21-го Гнивков, вышла на коммуникационную линию противника, истребив 12 неприятельских солдат. 21 сентября, уничтожив за один день 106 человек, отряд переместился в Обухово⁵¹, а затем двинулся в сторону занятой неприятелем Вереи. «Приближение мое к городу Верее, – сообщал Вадбольский 23 сентября, – ни что иное есть как только принятая мною осторожность, дабы не открыть себя неприятелю, находящемуся на Можайской дороге»⁵². В дальнейшем начальник отряда предполагал двинуться к Можайску, рассчитывая отбить колонну русских военнопленных, отправленную французами в Смоленск. Однако уже 26 сентября Кутузов отдал приказ о создании сильного отряда под командованием Дорохова, которому были подчинены 2 пехотных полка, егерский батальон, 4 гусарских эскадрона, 2 казачьих полка, 4 орудия легкой и 4 – конной артиллерии. Дорохову следовало взять Верею и действовать по своему усмотрению на пространстве от Можайска до Гжатска (при этом его пехота не должна была отдалять от Тарутинского лагеря более чем на 2 перехода). Отряду Вадбольского тогда же было предписано следовать к Боровску на соединение с основными силами Дорохова⁵³.

Таким образом, созданный для ведения партизанских действий на Можайской и Рузской дорогах отряд Вадбольского просуществовал всего 10 дней, ограничившись, в основном, уничтожением мародеров на незанятом противником пространстве, к югу от Можайской дороги, не подходя к ней ближе, чем на 8 км. Лишь некоторые небольшие партии, посылаемые от отряда, появлялись непосредственно на коммуникационной линии. На Можайскую дорогу они выходили только 3 раза, да и то, в основном, для ведения разведки. Всего, согласно данным Вадбольского, его отрядом были убиты

2 офицера и 402 нижних чина, взяты в плен – 1 офицер и 16 нижних чинов. Но так и не был захвачен ни один артиллерийский парк или обоз.

В Отечественную войну партизанские действия вели также охранительные отряды, отделившиеся от армии для прикрытия определенных направлений от неприятельских партий, мародеров и фуражиров, стремившихся вторгнуться на свободное от войск пространство по сторонам коммуникационных линий. Так, отряд майора Н.А. Тимирова действовал в Юхновском уезде Смоленской губ., полковник В.А. Быхалов охранял Медынский и Боровский уезды Калужской губ.⁵⁴ Охранительные отряды обеспечивали порядок на территории, прилегающей к театру военных действий, и наблюдали за движением противника, незамедлительно извещая командование в случае концентрации вражеских войск на их направлении.

Отряд, состоявший из донских казачьих полков полковника Быхалова и войскового старшины Д.Д. Комиссарова 1-го, согласно черновику донесения калужского губернатора П.Н. Каверина Кутузову, был направлен из армии Багратионом «для прикрытия Юхновского уезда». «По граничности губернии Калужской с Смоленской легко случиться может, что бродягствующие неприятельские партии будут доходить до пределов Калужской губернии, – указывалось в его секретном предписании Каверину, – хотя не для действий каковых-либо, но единственно для добычи и грабительства». Поэтому Багратион приказал «отрядить к стороне Юхнова и Мосальска два конных казачьих полка»⁵⁵. Они отправились в путь через Верею и Медынь накануне Бородинского сражения. Численность отряда Быхалова оценивалась командующим войсками в Калужской губ. генерал-лейтенантом В.Ф. Шепелевым примерно в 600 человек⁵⁶.

Из полученного Шепелевым 31 августа донесения Быхалова известно, что введенные ему полки, двигаясь к Юхнову, расположились в селе Товарково и деревне Рожествино (Рождествено) на южной границе Медынского уезда. В тот же день Шепелев, получив сведения о нападении неприятельских мародеров на село Дунино и о волнении в Боровске, поручил полковнику «отрядить 200 казаков к городу Боровску для защищения безопасности оного с тем, чтоб он растянул от Полотняного завода в Медынском уезде состоящего цепь до города Боровска, и от того ж Завода таковую сделал по Мосальскому уезду для защищения больших дорог и других трактов, ведущих сообщение с сими городами и самою Калугою». Шепелев также распорядился, чтобы Быхалов «для отыскания неприятельской партии, сожегшей селение Дунино, отрядил 200 же человек казаков, с тем чтобы он непременно сих хищников нашел и истребил»⁵⁷. Это предписание было направлено через калужского губернатора, который, описав сложившееся в Медынском уезде положение, не только требовал организовать отпор противнику, но и заверял, что казачьим полкам будет оказано содействие со стороны местных кордонов (соответствующие распоряжения получили медынский предводитель дворянства и исправник)⁵⁸.

Уже 31 августа Быхалов со своим полком выдвинулся к Полотняному заводу для прикрытия дороги из Можайска в Калугу и взял под наблюдение пути сообщения в направлении Юхнова и Мосальска. В противоположную сторону, к Боровску и Малоярославцу, он направил полк Комиссарова, действовавшего отдельно. Донские казаки остановились в Медынском уезде, а для выяснения обстановки Быхалов послал три партии к Гжатску, Мосальску и Боровску⁵⁹. Утром 1 сентября, узнав о появлении противника в 20 верстах от Медыни, на заводе купца Маслова, Быхалов со своим полком подошел к заводу, где уже полыхал пожар, наткнулся у деревни Образцово на неприятельский отряд, опрокинул его и преследовал более 15 верст. По донесению полковника Быхалова, в плен были взяты 54 человека и «довольное количество поколото» (начальник кордонов Медынского уезда сообщал про 52 пленных и 32 убитых)⁶⁰. Тогда же партия донских казаков вместе с крестьянами напала на команду фуражиров в селе Кременском (противник потерял 16 человек убитыми и 14 пленными). После этого боя полк Быхалова вышел на дорогу к Верее и 4 сентября вместе с кордонной стражей напал на врага, располагавшегося в деревнях Никитской и Лыково. Выбитого из них неприятеля преследовали до села Дунино на границе Медынского уезда. 5 сентября

Быхалов рапортовал Шепелеву, что в бою было убито более 50 человек и 47 взяты в плен (в том числе капитан, 2 унтер-офицера и сержант). Пленных с трофеями препроводили в Калугу⁶¹.

В начале сентября в Медынский уезд был командирован батальон 3-го пешего полка Калужского ополчения под начальством майора В.В. Спафарьева, который занял дорогу на Верею. Совместно с казаками этот батальон 20 сентября уничтожил две партии неприятельских фуражиров у деревни Паныной⁶². К середине сентября донские казаки, а также отряды кордонной стражи и ополчения расправились в уезде с крупными партиями противника и восстановили порядок. В конце месяца борьба с неприятелем была перенесена на территорию соседних губерний. Несколько донских казаков Быхалова во главе с сотником и крестьяне села Никитского вступили на территорию Можайского уезда и напали в селе Ельманово на неприятельских фуражиров, убив при этом 25 человек. В начале октября полк Быхалова при поддержке медынских крестьян разгромил французских фуражиров у села Купрово (более 100 убитых и 80 пленных), а 10 октября донские казаки уничтожили до 200 человек при селениях Ребинином и Федоровском⁶³. 11 октября Быхалов вышел за рамки собственно оборонительных действий, направленных на защиту границ Калужской губ., атаковав неприятеля на коммуникационной линии у Колоцкого монастыря, где располагался госпиталь. Несмотря на упорное сопротивление противника, располагавшего артиллерией, Быхалов возвратился в Медынь, взяв в плен двух офицеров, двух унтер-офицеров и пять капралов⁶⁴. Тем самым, совершив набег на сообщения противника, Быхалов перешел к партизанским действиям.

К «партизанской войне» не следует относить и деятельность ополчений, в том числе их участие в совместных операциях с регулярными и иррегулярными частями. К примеру, «корпус» генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева в октябре 1812 г. обеспечивал охрану Брянска и поддерживал порядок в Рославльском и Ельнинском уездах Смоленской губ. После захвата 14 сентября отрядом фуражиров полковника Ж.П. Деллара Рославля В.Ф. Шепелев ограничился направлением туда небольшого отряда под командой полковника А.Д. Шепелева (2-й батальон 5-го полка Калужского ополчения и 2 орудия легкой полуроты № 61, всего около 650 человек) и 1-го Тептярского казачьего полка. Однако Кутузов 25 сентября выдвинул к югу от Смоленска 5-тысячный «корпус», который должен был не только защитить Брянск и ограничить действия неприятельских партий в Рославльском уезде, но и поддерживать связь Главной армии с войсками, находившимися к югу от театра боевых действий (отряд подполковника Кленовского в Чечерске, корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля в Мозыре, гарнизон Бобруйской крепости и др.). Ядро «корпуса» (более 60%) составили конные и пешие части Калужского ополчения. Кроме того, в его состав были включены практически все остававшиеся в Калуге регулярные войска, артиллерия и иррегулярные полки, а также два следовавших к армии с Дона казачьих полка (войскового старшины И.И. Андриянова 3-го и полковника И.А. Андриянова 1-го). В конце сентября – первой половине октября части «корпуса» практически полностью очистили от неприятельских отрядов Рославльский уезд, ограничив распространение фуражиров противника и нанеся серьезный удар по войскам Деллара, а также сковав в районе Ельни дивизию дивизионного генерала гр. Л. Барагэ д'Иллера (около 5 тыс. человек), которая 5 октября была направлена Наполеоном для обеспечения дороги от Смоленска к Ельне. С 14 до 24 октября под Ельней действовал отряд под командованием генерал-майора кн. В.М. Яшвиля⁶⁵. Однако столкновения под Рославлем и Ельней к югу от коммуникационной линии неприятеля нельзя отнести собственно к партизанской войне. Значение этих боев ограничивалось лишь защитой Брянского направления.

Составленные из мирных жителей отряды (кордоны, поголовное ополчение, внутреннее охранное войско) действовали в основном на не занятой неприятелем территории⁶⁶. В большинстве своем они не могли противостоять регулярным частям, находившимся на коммуникационной линии, но эффективно боролись с отделявшимися от армии партиями мародеров и фуражиров. Они вели преимущественно оборонительную

войну, а если и переходили в наступление, то, как правило, при участии казаков или ополчения⁶⁷. При этом имеются и единичные примеры участия отрядов самообороны в партизанских действиях. Так, 6 и 7 октября кордоны Сычевского уезда Смоленской губ. под командованием предводителя дворянства Н.М. Нахимова и исправника Е.В. Богуславского совместно с казачьим полком полковника М.Г. Чернозубова 8-го из отряда Винцингероде совершили нападение на коммуникационную линию противника. Выйдя к деревне Теплуха, где располагалась неприятельская почта, они захватили гонца с бумагами. Затем, следуя по дороге к Цареву-Займищу, взяли в плен офицера и 38 рядовых⁶⁸. Но все же заслуга мирных жителей, взявших в руки оружие, состояла не в том, что они подобно армейским партизанским отрядам, дестабилизировали нормальное функционирование сообщений противника. Их роль была не менее важной, но другой – благодаря им враг лишался оперативного простора и оказывался «зажат» с флангов на своей коммуникационной линии.

«Партизанская война», как понимали ее современники, явно не включала в себя все многообразные формы борьбы с противником. Тем более не может их охватить понятие «народная война», отражающее лишь участие мирного населения в вооруженном сопротивлении неприятелю. Между тем термин «малая война» (*petite guerre*) часто употреблялся в XVIII–XIX вв. для обозначения различных мероприятий, направленных на охранение войск, и действий небольшими по численности отрядами. Схожие задачи решались и в партизанской войне, поэтому эти понятия часто использовались как синонимы. Например, Ф.Н. Глинка, характеризуя события сентября–октября 1812 г., отмечал: «Около сего времени возникла другого рода война, полезная для нас и гибельная для неприятеля. Здесь говорится о малой войне или действиях наездников. Эти наездники (партизаны), начальствуя летучими отрядами, из разных войск составленными, имеют все способы переноситься с места на место, нападать внезапно и действовать то совокупно, то порознь, вдруг с разных сторон, или пересекать черту сообщений»⁶⁹. О действиях небольшими армейскими отрядами против неприятеля сообщал Кутузову и командующий отдельным корпусом на Санкт-Петербургском направлении генерал-лейтенант гр. П.Х. Витгенштейн. Так, 11 сентября 1812 г. он рапортовал, что ведет «с неприятелем только маленькую войну, делая довольно удачные экспедиции»⁷⁰.

Однако в 1812 г. не все отождествляли «малую войну» исключительно с деятельностью партизан. «Поелику осеннее время наступает, – писал 20 сентября Кутузов Витгенштейну, – через что движения большою армиею делаются совершенно затруднительными, наиболее с многочисленною артиллериею, при ней находящеюся, то и решился я, избегая генерального боя, вести малую войну, ибо разделенные силы неприятеля и оплошность его подают мне более способов истреблять его, и для того, находясь ныне в 50 верстах от Москвы с главными силами, отделяю от себя немаловажные части в направлении к Можайску, Вязьме и Смоленску. Кроме сего вооружены ополчения Калужское, Рязанское, Владимирское и Ярославское, имеющие все свои направления к поражению неприятеля»⁷¹. Более полную характеристику «малой войны» дал 21 сентября в своем письме к Александру I английский представитель при русской армии бригадный генерал Р.-Т. Вильсон: «Казацкие подкрепления и толпы ополчения и крестьяне могут и будут (если сохраняться принятые ныне намерения) действовать на его (Наполеона. – *В.Б.*) сообщениях и, доведя его до крайности, принудят к действиям до подхода подкреплений. Ведение сей *petite guerre* и неусыпное наблюдение за главною частью армии должны, без сомнения, доставить успех, но в то же время надобно не допускать никакого послабления в приуготовлениях к войне трудной и продолжительной»⁷².

Таким образом, именно понятие «малая война» (ведение боевых действий регулярными и иррегулярными частями, как и временными военизированными формированиями, созданными по требованию правительства или по частной инициативе, против отрядов и партий противника с целью дезорганизации снабжения его армии, функционирования коммуникаций и противодействия расширению зоны неприятельского

влияния на флангах) объединяет деятельность партизан, ополчения и охранительных отрядов, а также все специфические формы народной войны.

Примечания

- ¹ *Ахшарумов Д.И.* Описание войны 1812 года. СПб., 1819. С. 144–145.
- ² Там же. С. 146.
- ³ Там же.
- ⁴ *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. 2. СПб., 1824. С. 4.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ Там же. С. 4, 8–9.
- ⁷ Там же. С. 10.
- ⁸ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г. Ч. 3. СПб., 1840. С. 88.
- ⁹ Там же. С. 92–93.
- ¹⁰ Там же. С. 99.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 100–101.
- ¹³ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г., по достоверным источникам. Т. 2. СПб., 1859. С. 361–362, 376–378, 388, 397–398, 400, 415.
- ¹⁴ *Новицкий Н.Д.* Лекции малой войны, читанные в Елисаветградском офицерском кавалерийском училище. Одесса, 1865. С. 7.
- ¹⁵ *Гершельман Ф.К.* Партизанская война. СПб., 1885. С. 78–98.
- ¹⁶ *Клембовский В.Н.* Партизанские действия. СПб., 1894. С. 2–8.
- ¹⁷ *Мясоедов Д.* Кто был первый народный партизан на Руси в эпоху Отечественной войны // Исторический вестник. 1903. № 12. С. 828–833; *Поликарпов Н.П.* Очерки Отечественной войны // Новая жизнь. 1911. № 8. С. 137–139; *Левшин А.Г.* Партизаны в Отечественную войну. М., 1912.
- ¹⁸ *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 257.
- ¹⁹ *Князьков С.А.* Партизаны и партизанская война в 1812 г. // Отечественная война и русское общество. Т. 4. М., 1912. С. 213.
- ²⁰ Там же. С. 226.
- ²¹ *Алексеев В.П.* Народная война // Отечественная война и русское общество. С. 228.
- ²² *Дживелегов А.К.* «Народная война» в 1812 г. // Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915. С. 219–236.
- ²³ *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию // 1812 год. М., 1959. С. 610.
- ²⁴ Там же. С. 668–669.
- ²⁵ Там же. С. 675.
- ²⁶ Там же. С. 611.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См., например: *Лещинский Л.М.* Кутузов и «малая» война // М.И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии военной академии Красной армии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова. М., 1947. С. 143–160.
- ²⁹ *Кочетков А.Н.* М.И. Кутузов – организатор армейских партизанских отрядов // Полководец Кутузов. Сборник статей. М., 1955. С. 338.
- ³⁰ Там же. С. 339.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 343–345.
- ³³ *Кочетков А.Н.* Партизанская война // 1812 год. К столятидесятилетию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962. С. 164.
- ³⁴ Там же. С. 167.
- ³⁵ Там же. С. 168, 173.
- ³⁶ *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 478–487; *он же.* Партизаны в Отечественной войне 1812 г. // Вопросы истории. 1972. № 1. С. 114–124; № 2. С. 81–97; *Бычков Л.Н.* Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 г. М., 1954. С. 4; *Жилин П.А.* Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950. С. 108; *он же.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 235, 242; *Ростунов И.И.* На Старой Смоленской дороге. М., 1962.

С. 16–23; *он же*. Народные массы России в Отечественной войне 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 3–18; *Червяков Д.Е.* Партизанское движение в период подготовки и проведения Кутузовым контрнаступления в 1812 г. М., 1953. С. 3–4, 14–15.

³⁷ *Червяков Д.Е.* Указ. соч. С. 15; *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. С. 478, 484.

³⁸ *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 223, 226.

³⁹ *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 г. на перекрестках мнений советских историков. 1917–1987. М., 1990. С. 173.

⁴⁰ *Попов А.И.* Партизаны 1812 г. // Исторические исследования. Сборник научных трудов. Самара, 2000. Вып. 3. С. 86–87. См. также: *он же*. Партизаны и народная война в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VIII Всероссийской научной конференции. Можайск, 2000. С. 172–207; *он же*. Кто они, партизаны 1812 года? // Император. 2003. № 5. С. 14–16.

⁴¹ Аналитический проект военных действий в 1812 г. П.А. Чуйкевича // Российский архив. Т. 7. М., 1996. С. 48.

⁴² Там же. С. 49.

⁴³ *Жерве В.В.* Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов: Очерк его жизни и деятельности: 1784–1839. СПб., 1913. С. 30.

⁴⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 254.

⁴⁵ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива (далее – МВУА). Т. 18. СПб., 1911. С. 11.

⁴⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 309.

⁴⁷ Там же. С. 339.

⁴⁸ Там же. С. 321; МВУА. Т. 18. С. 4. При публикации документа в обоих сборниках ошибочно указано, что данное предписание было направлено М.А. Милорадовичу. Однако обращение «Ваша светлость» и приказ оставить извещательный пост на Новой Калужской дороге позволяют утверждать, что данное предписание было адресовано кн. И.М. Вадбольскому. Кроме того, предписание имело исходящий № 63, упомянутый князем в рапорте 20 сентября (МВУА. Т. 18. С. 97).

⁴⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 329.

⁵⁰ Там же. С. 340, 341; МВУА. Т. 18. С. 97.

⁵¹ МВУА. Т. 18. С. 102–103.

⁵² Там же. С. 111–112.

⁵³ Там же. С. 117, 129; М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 381–382, 388.

⁵⁴ *Бессонов В.А., Попов А.И.* Действия казачьих отрядов Быхалова и Тимирова в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XI Всероссийской научной конференции. Можайск, 2004. С. 23–54.

⁵⁵ Государственный архив Калужской области (далее – ГА КО), ф. 32, оп. 19, д. 580, л. 1.

⁵⁶ РГВИА, ф. 103, оп. 1/208а, св. 0, д. 61, л. 21 об.

⁵⁷ Там же, л. 20.

⁵⁸ ГА КО, ф. 32, оп. 19, д. 510, л. 23.

⁵⁹ Там же, л. 43; РГВИА, ф. 103, оп. 1/208а, св. 0, д. 61, л. 20.

⁶⁰ РГВИА, ф. 103, оп. 1/208а, св. 0, д. 61, л. 20.

⁶¹ Там же, л. 17; ГА КО, ф. 260, оп. 1, д. 187, л. 230–231.

⁶² ГА КО, ф. 260, оп. 1, д. 187, л. 237 об.; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. М., 1962. С. 151.

⁶³ ГА КО, ф. 260, оп. 1, д. 187, л. 241, 242.

⁶⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 133; МВУА. Т. 19. СПб., 1912. С. 44.

⁶⁵ *Бессонов В.А.* Калужский край в Отечественной войне 1812 г. Калуга, 2012. С. 125–135.

⁶⁶ По словам исследователя смоленского края В.М. Вороновского, «главным средоточием партизанской деятельности были четыре уезда, не занятые неприятелем: Сычевский, Бельский, Юхновский и Рославльский». (*Вороновский В.М.* Указ. соч. С. 274).

⁶⁷ *Попов А.И.* Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002. С. 380–398.

⁶⁸ *Попов А.И.* «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде в 1812 г. М., 2011. С. 62.

⁶⁹ *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1990. С. 213.

⁷⁰ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 290.

⁷¹ Там же. С. 327–328.

⁷² *Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма 1812–1813. СПб., 1995. С. 154.